

Анжелика Шамне

Предикторы нормативного кризиса развития в подростковом и юношеском возрасте

Zeszyty Naukowe Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. Witelona w Legnicy 16 (3), 59-71

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Анжелика Шамне (Angelika Szamne)

Instytut Psychologii Narodowej Akademii Nauk Pedagogicznych Ukrainy w Kijowie,
Україна (Институт психологии имени Г.С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Украина)
e-mail: shamne@ukr.net

Предикторы нормативного кризиса развития в подростковом и юношеском возрасте (Predykatory kryzysu rozwoju normatywnego w okresie dojrzewania i we wczesnej dorosłości)

SUMMARY

Predictors of the normative development crisis in adolescence and early adulthood

This paper constitutes an analysis of the results of the construction of prediction models of the normative crisis and its patterns in adolescence and early adulthood (12–20 years). The sample selected for research included a group of 12–15-year-old teenagers (55 secondary school students) and 66 university students in Ukraine (18–20 years, 2nd–3rd year of study). Two regression models enable us to describe the various complex predictors of the psychosocial crisis which may occur during adolescence. The emergence of the crisis in adolescence is determined by such predictors as: individual typological properties (emotional instability, extroversion), emotional and volitional characteristics (self-control problems, low self-control), a negative attitude to the activities (duties and studies), people and moral norms, an unfavorable social environment (a family situation, education in the family, biographical experience), a low behavior norm, individualism (43% of explainable dispersion of the „crisis” dependents variable). The main predictors of the crisis in adolescence include the following: a deficit of subject activity, low meaningfulness of life, an external locus of control, social passivity, a negative self-attitude, low subjective well-being, lack of spontaneity and flexibility in communication, focus on wealth (26% of explainable dispersion). A comparative analysis of predictors of age crisis in adolescence and early adulthood has been performed. The changes of the ratio of weight and the role of internal and external determinants of the crisis emergence in the period of adolescence have also been discussed (reduction of the value of individual and typological properties, features of the family situation and upbringing, an increased role of reflexive components of I- concept, value-semantic and subjective properties).

Key words: normative crisis, development, predictor, regression analysis, prediction model, adolescence, young adulthood, determination.

Введение

Проблема классического подросткового кризиса носит полемический характер и характеризуется не только несогласованностью существующих концепций и отсутствием единой методологической позиции, но и дефицитом основательных эмпирических исследований, декларативностью, отсутствием серьезной фактологической базы. Одни психологи считают бурное проявление кризиса у подростков закономерным явлением, другие – психологической проблемой. Теории больше ориентированы на первую точку зрения, практические психологи – преимущественно на вторую. Зарубежные и отечественные концепции, которые отводят кризису важную роль в личностном развитии (Э. Эриксон, Л.С. Выготский, К.Н. Поливанова и др.), расходятся в объяснении механизмов его детерминации, но как правило считают наличие кризиса необходимым условием прогрессивного поступательного развития личности.

Таким образом, проблема прогнозирования нормативного кризиса отрочества и поиска его надежных предикторов является актуальной и как часть теоретического дискурса (разработка теоретических проблем возрастной психологии) и как элемент прикладного анализа процессов развития (решения прикладных задач отбора, консультирования, дифференцированного обучения и т.д.). Открытыми остаются следующие вопросы: какие внутренние и внешние факторы обуславливают появление кризиса, как трансформируются детерминанты кризиса в период взросления, как в этом взаимодействуют возрастные и индивидуальные психологические факторы и т.д.

Целью исследования является построение и интерпретация прогнозных регрессионных моделей нормативного кризиса в подростково – юношеском возрасте.

Общая *гипотеза* заключалась в двух предположениях: интенсивность нормативного кризиса в подростково – юношеском возрасте (12–20 лет) определяется взаимодействием системы внутренних и внешних детерминант, возрастных и индивидуальных закономерностей развития; в этот период происходит реорганизация структуры детерминант нормативного кризиса и трансформация его содержания.

Методы и выборка исследования

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением линейного множественного регрессионного анализа (МРА), который наиболее часто используется как метод построения прогноза [Дрейпер, Смит, 1986]. Он дает возможность прогнозирования значения одной (зависимой) переменной, отталкиваясь от значения других (независимых) переменных. Говоря словами Ф. Керлингер (Kerlinger, 1986), множественный регрессионный анализ – «это метод изучения результатов влияния и силы влияния более чем одной независимой переменной на одну зависимую переменную с использованием принципа корреляционного и регрессионного анализа» [Миллер Скотт, 2002, с. 527]. Инструментом получения достоверных прогнозов относительно характера развития (деятельности, поведения), средством его выражения являются предикторы (от английского глагола predict – «прогнозировать, предсказывать») – независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных – откликов [Равич-Щербо, Марютина, Трубников и др., 1996, с. 44.].

Сложности научного прогнозирования кризисных проявлений связаны с тем, что

они представляют собой очень сложные взаимозависимости, которые довольно тяжело обрабатывать с помощью математического аппарата. Это обусловлено тем, что необходимо рассматривать функции, зависящие более чем от двух переменных. В зависимости от содержания переменных, входящих в состав предикторов, последние могут включать те или иные черты ребенка в сочетании с характерными особенностями его жизненной среды. По некоторым данным информативность предикторов оказывается выше, если они объединяют действие нескольких (по крайней мере двух) факторов, т.е. имеют комплексный характер [Марютина, Ермолаев, Трубников, 1998, с. 28; Равич-Щербо, Марютина, Трубников и др., 1996, с. 46]. Именно из этого мы исходили, когда формировали систему переменных для регрессионного анализа.

Задачи регрессионного анализа состояли в том, чтобы выявить причинно-следственную связь наличия кризисных проявлений (зависимой переменной) участников исследования от независимых переменных – их психологических свойств и особенностей социальной ситуации развития. Использование МРА, таким образом, имело целью интегрировать в одну прогнозную модель внутренние и внешние факторы кризиса, отделить тенденции возрастного развития от ситуационных показателей, оценить вклад каждого из предикторов в дисперсию критериальных переменных «Кризис». Для этого использовалась программа МРА из пакета SPSS 15.0 в варианте прямого пошагового метода. При отборе факторных признаков – предикторов в регрессионную модель учитывались следующие условия: 1) в модель вводятся факторные признаки, оказывающие сильное влияние на резульативный признак; 2) факторные признаки, вводимые в модель, должны быть линейно независимыми или иметь слабую связь между собой.

Мы исходили из того, что в регрессии должны быть представлены три группы независимых переменных (потенциальных предикторов кризиса):

– внешние детерминанты (социальная ситуация развития): ситуации окружающей среды, семейное окружение, стили воспитания в семье, сведения о ранних этапах социализации, биографический опыт;

– внутренние детерминанты (индивидуально-типологические, характерологические, личностно-субъектные свойства, мотивационные образования, особенности Я – концепции);

– характер функционирования, личностные тенденции поведения в социальной среде, нарушения диспозиций социального поведения, особенности адаптации и поведения в социуме.

Чтобы в построении моделей участвовали все три группы детерминант (независимых переменных), сбор эмпирического материала производился с помощью широкого перечня методик: «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева (СЖО), «16-факторный опросник» Р. Кеттелла (16 PF, форма С), «Биографический опросник» (BIV – Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltenstorungen) (Чикер В.А., 2006), «Модифицированный опросник диагностики самоактуализации личности» САМОАЛ (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калиной), «Психосоциальный опросник» (Psychosocial Inventory, PSI) [Шамне, 2014], модифицированный опросник «Личностный дифференциал», адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева (ОСА), в котором перечень базовых шкал («Оценка», «Сила», «Активность») был расширен за счет еще двух («Отношение к делу» и «Отношение к людям»).

Зависимой переменной выступал общий показатель опросника «Кризис отрочества» (22 утверждения). Теоретической основой его создания были классические представления о подростковом кризисе, сформированные в отечественной и западной

психологии (идеи Л.С. Выготского, Ст. Холла, Ш. Бюлер, Е. Шпрангер, П. Блоса, К.Н. Поливановой и т.д.).

Опросник предназначен для диагностики уровня выраженности у испытуемого кризисной феноменологии (балл, набранный испытуемым, интерпретируется как индикатор степени выраженности возрастного кризиса) [Szamne, 2015, с. 124].

В исследовании *принимали участие* две возрастные группы (подростки и юноши): 55 учащихся 8–10 классов общеобразовательной школы в возрасте 12–15 лет и 66 студентов 2–3 курсов педагогического института в возрасте 18–20 лет. Они диагностировались одинаковой батареей методик.

Результаты исследования

Результаты регрессионного анализа, представленные в табл. 1, 2 содержат величины нестандартизированных (β) и стандартизированных (Beta) коэффициентов регрессии, а также критерии *t*-Стьюдента (*t*) и *p*-уровни, что позволило определить статистическую значимость двух регрессионных моделей – модели «Подростки» и модели «Юноши».

Регрессионное уравнение «Подростки» (таблица 1) с множественным коэффициентом корреляции 0,694 и коэффициентом детерминации 0,493 оказалось статистически достоверным и весьма информативным в объяснении детерминации кризиса в развитии личности. Эта регрессионная модель объясняет 49% дисперсии зависимой переменной и является значимой по критерию Фишера $F(13, 22, p = 0,001)$.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа нормативного возрастного кризиса подростков 12–15 лет ($n = 55$)

Предикторы (название шкал и методик)	β	Beta	<i>t</i>	<i>p</i> <	Статистики модели
С (16 PF)	-2,059	-0,250	-2,798	0,011	R = 0,694 R ² = 0,493 (43%) F (13, 22) p = 0,001
G (16 PF)	5,073	-0,699	5,376	0,000	
Q3 (16 PF)	-2,408	-0,382	-3,132	0,004	
ERZIEN (BIV)	-2,030	-0,347	-2,995	0,007	
PSYKON (BIV)	1,838	0,222	2,015	0,051	
Внешнее Я (PSI)	-4,456	-0,643	-6,182	0,000	
Материальные ценности (PSI)	0,566	0,14	1,091	0,05	
Гибкость в общении (САМОАЛ)	-1,998	-0,446	-5,257	0,000	
Активность (ОСА)	0,697	0,345	5,213	0,000	
Отношение к делу (ОСА)	-0,650	-0,766	-5,053	0,000	
Локус контроля – Я (СЖО)	-0,491	-0,228	-3,829	0,000	
Автономность (PSI)	0,466	0,101	1,023	0,05	

Примечание. Здесь и далее: R – значение коэффициента множественной корреляции; R² – значение коэффициента детерминации (в скобках процент объясняемой дисперсии кризиса); F – критерий Фишера (мера значимости регрессии, отношение факторной дисперсии к остаточной); *p* – уровень значимости; β – стандартизированный коэффициент регрессии; B – значение коэффициента детерминации (регрессии факторного признака – предиктора); *t* – критерий Стьюдента.

Источник: разработано автором.

В составе данной модели наиболее весомыми предикторами возрастного кризиса оказались индивидуально-типологические свойства (показатели теста 16PF и OCA), особенности социальной среды, воспитания в семье (шкалы «Биографического опросника» PSYKON и ERZIEN) и психосоциального развития (шкалы опросника «PSI»).

Подросток, который переживает возрастной кризис имеет следующие характеристики: слабость Я, эмоциональная нестабильность, неустойчивость отношений и интересов, низкая фрустрационная толерантность, склонность уклоняться от работы, раздражительность, неуравновешенность, утомляемость (фактор С (-) «эмоциональная неустойчивость») ($B = -0,250$, здесь и далее в скобках приводится величина бета – стандартизированных коэффициентов регрессии), экстравертированность, активность (A+) ($B = 0,345$), невротические симптомы, сильно выраженная склонность к соматическим нарушениям, низкая устойчивость к стрессовым нагрузкам, психическая лабильность (PSYKON +) ($B = 0,222$). Связь эмоциональной нестабильности, экстраверсии и кризиса может быть косвенным подтверждением значения психофизиологических факторов (и соответствующих теорий) в объяснении детерминант подросткового кризиса.

Дисперсия показывает, что кризис связан не только с эмоциональными, но и с регуляторными (волевыми) характерологическими свойствами, что доказывает высокий вес факторов Q3 (-) «Недостаток самоконтроля» ($B = -0,382$) и G (-) «Беспринципность» ($B = -0,699$) теста 16 PF, а также отрицательное «отношение к делу» ($B = -0,766$) теста OCA.

Предиктор «Отрицательное «отношение к делу» теста OCA имеет самый большой вес (оценка себя как недисциплинированного, пассивного, безответственного, неорганизованного, ленивого). Обратные значения по фактору Q3 доказывают, что подросток, имеющий признаки возрастного кризиса, плохо поддается контролю, небрежный, неточный, невнимательный, недисциплинированный, для него характерна внутренняя конфликтность представлений о себе, несоблюдение правил, спонтанность в поведении, внутренняя конфликтность, низкий самоконтроль, фрустрированность.

Высокий вес фактора G (-) (16 PF) в регрессионном уравнении показывает, что предикторами кризиса являются низкое супер-эго», зависимость от эмоций, несогласие с общепринятыми моральными нормами и стандартами, небрежность, безответственность, неорганизованность, легкомыслие, непостоянство. Склонный к кризисным проявлениям подросток легко сдается, столкнувшись с трудностями, не связывает себя правилами, вызывает недоверие, потворствует своим желаниям, игнорирует обязанности, находится под влиянием случая и обстоятельств, склонен к асоциальному поведению. Он отступает от желаемой цели как только появляются внутренние или внешние препятствия, часто действует неорганизованно, не умеет планировать и рационально распределять свое время. Как видим самооценка отношения к делу (тест OCA) и результаты теста 16 PF почти совпадают и взаимно объясняют друг друга.

Вес предикторов, связанных с выше перечисленными эмоционально-волевыми характеристиками, объясняет почти половину дисперсии кризиса. Следовательно, подросток в период кризиса переживает трудности соответствия объективным требованиям к организации учебной деятельности, поскольку *не хочет* (изменение значения учебной деятельности и снижение ее мотивации) и *не может* (комплекс эмоционально-волевых свойств, прежде всего, проблемы низкой саморегуляции и низкой ответственности). Следствием этой фрустрации является восприятие себя как зависимого от внешних обстоятельств и оценок, склонность рассчитывать на других, низкая

способность контролировать ситуацию, что отчетливо зафиксировано в прогнозной модели как ориентация на внешние мотиваторы поведения (престиж, статус, деньги) (предиктор «Материальные ценности») ($B = 0,14$) и экстернальный локус контроля – Я ($B = -0,228$).

Последний свидетельствует о важной тенденции – появлении фаталистической установки, неверии в свои силы контролировать события собственной жизни и быть источником активности. Есть, таким образом, основания считать, что риски подросткового кризиса состоят в высокой вероятности зарождения экстернального локуса контроля (внешней каузальной ориентации). Процесс ее рождения запускает совокупность факторов, прежде всего, невозможность подростка соответствовать новым ожиданиям и требованиям, которые предъявляют ему учебная деятельность, взрослые и жизнь в целом.

Совокупность описанных предикторов (прежде всего факторов Q3 и G) обуславливает негативное отношение подростка не только к делу, но и к людям. Его поведение регулируется преимущественно личными, сиюминутными желаниями и потребностями, свои возможности оцениваются некритически, они имеют определенные амбиции (претензии) и достаточно свободно относится к обязанностям и моральным нормам, не обращают внимания на общественные правила, имеют низкую степень социальной нормированности, проявляют несогласие с общепринятыми взглядами и стандартами. Это подтверждает большой вес шкалы «Внешнее Я» (PSI) ($B = -0,643$), который свидетельствует о выраженном индивидуализме, пренебрежении мнением окружающих, низкой аффилятивности, склонности к отрицанию норм. Шкала «Автономность» (PSI) в контексте предыдущих характеристик ($B = -0,101$) выступает как стремление контролировать окружение, самоутвердиться за счет других, проявить свое Я любым возможным способом (влияние, деньги, власть). Подростковый кризис тесно связан с трудностями социальной адаптации и проблемами в социальном взаимодействии (высокий вклад в детерминацию кризиса шкалы «Гибкость в общении» (САМОАЛ) ($B = -0,446$)). Этот предиктор свидетельствует о наличии проблем в адекватном самовыражении в общении, низкой способности к аутентичному взаимодействию с окружающими, склонности к фальши или манипуляциям, некоторой ригидности, неуверенность в своей привлекательности для других.

Весомым предиктором кризиса оказалась семейная ситуация, в частности, фактор ERZIEN (+) «Воспитательное воздействие родителей или лиц, их заменяющих» (негативный характер взаимодействия между подростком и родителями, неврозогенный стиль воспитания и т.д.) ($B = -0,347$). Негативное влияние воспитательного поведения взрослых не уравнивает, а усугубляет трудности социальной адаптации подростков. Отметим, что шкалы PSYKON и ERZIEN входят в синдром «Актуальное напряжение в профессиональной (учебной) и личностной сферах», то есть подростки с соответствующими индивидуально-типологическими и личностными свойствами не могут преодолеть напряжение актуальных внешних обстоятельств.

Из регрессионного уравнения можно сделать вывод, что для прогноза появления подросткового кризиса наиболее информативным для взрослых (учителей, родителей, воспитателей) в *предкризисный* период (10–11 лет) могут быть следующие показатели: негативное отношение ребенка к учебной деятельности, обязанностям и моральным нормам, безответственность, низкий самоконтроль, индивидуализм, эгоизм, ориентация на себя, проблемы в общении со сверстниками, эмоциональная нестабильность, неорганизованность, недисциплинированность, зависимость от влияния друзей,

случая и обстоятельств. Возможность появления кризисной симптоматики возрастает, если эти негативные свойства «накладываются» на неблагоприятную семейную ситуацию. Наряду с этим, комплекс любых индивидуальных предикторов может быть в той или иной степени нивелирован адекватным стилем воспитания, благоприятной семейной ситуацией, корректирующими влияниями психологов и педагогов.

Объяснительные и прогностические свойства регрессионного уравнения «Юноши» (таблица 2) с множественным коэффициентом корреляции 0,48 и коэффициентом детерминации 0,292 несколько хуже в сопоставлении с моделью подростков ($F(9, 94), p = 0,02$), что выразилось в уменьшении объяснимой дисперсии ($\Delta R^2 = 0,201$).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа кризисных проявлений юношей и девушек 18–20 лет (студенты) ($n = 66$)

Предикторы (название шкал и методик)	β	Beta	t	p<	Статистики модели
Жизненные цели (СЖО)	0,857	0,302	1,849	0,04	R = 0,48 R ² = 0,292 (26%) F (9, 94) p = 0,02
Локус контроля – Я (СЖО)	-2,583	-0,963	-4,491	0,000	
Локус контроля – жизнь (СЖО)	-2,774	-0,885	-3,748	0,004	
Негативная эго-идентичность (PSI)	4,364	0,631	3,556	0,003	
Материальные ценности (PSI)	4,901	0,759	5,070	0,000	
Оценка (ОСА)	-1,438	-0,719	-1,888	0,047	
SOZAKT (BIV)	4,569	0,501	3,623	0,002	
Спонтанность (САТ)	-2,560	-0,388	-2,443	0,026	
Гибкость в общении (САМОАЛ)	-3,895	-0,507	-2,644	0,017	
Субъективное благополучие (PSI)	3,297	-0,525	2,071	0,049	
L (16 PF)	-3,387	-0,580	-4,490	0,000	
Экстернальный локус – жизнь (PSI)	3,297	0,525	2,071	0,05	

Источник: разработано автором.

В составе данной модели наиболее весомыми предикторами кризиса оказались низкая осмысленность жизни, экстернальный локус контроля – Я ($B = -0,963$), экстернальный локус контроля – жизнь сразу по двум опросникам – СЖО ($B = -0,885$) и PSI ($B = 0,525$). Это свидетельствует об отсутствии личной ответственности за свою жизнь, себя и реализацию собственных целей, неверие в свои возможности влиять на события жизни и окружение. Совокупность предикторов «Жизненные цели» ($B = -0,302$) и экстернального «Локус контроля – жизнь» можно объяснить с позиции автора опросника СЖО, который отмечает, что высокие баллы в этом случае могут характеризовать прожектера, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

Предикторами кризиса являются и низкие показатели по шкале «Оценка» ($B = -0,719$) (низкий уровень самоуважения и принятия себя как личности, критическое отношение к себе, неудовлетворенность собой) (ОСА), негативная оценка себя как источника активности, отрицательная оценка своего прошлого, настоящего и будущего (шкала «Негативная эго-идентичность» ($B = -0,631$)), низкий уровень субъективного благополучия

($B = -0,525$) (недоверие к людям, низкий уровень удовлетворенности процессом жизни) и ориентация на материальные ценности ($B = 0,759$) (PSI).

Эти предикторы в совокупности осуществляют значительное влияние на возникновение кризиса (им принадлежит почти половина дисперсии), усиливая фрустрированность, страх неудачи, тенденцию перекладывать ответственность за события своей жизни на внешние факторы. Регрессионное уравнение показывает, что предпосылкой юношеского кризиса выступает неспособность личности продуктивно воплотить жизненные цели и смыслы в жизнь, реализовать себя как субъекта жизни, которая проявляется в низкой вовлеченности в самореализацию, отсутствии реальных достижений, успехов в практической реализации жизненных целей и т.д. Таким образом, детерминация кризиса в юношеском возрасте сводится к дефициту субъектности, показателями которой традиционно являются целенаправленность, интернальный локус контроля и осмысленность жизни, которые обеспечивают ощущение авторства и эмоциональной насыщенности жизни.

Весомыми предикторами кризиса оказался низкий уровень спонтанности ($B = -0,388$). Спонтанность является качеством, которая вызвана уверенностью в себе и доверием к окружающему миру, соотносится с такими ценностями как свобода, естественность, способность спонтанно выражать свои чувства, быть самим собой. Обратные значения шкалы «Спонтанность» теста САМОАЛ означают, что человек не склонен проявлять свои чувства в заранее продуманных действиях. Негативный вклад спонтанности в детерминацию переживания кризиса свидетельствует о том, что юноша не может или боится открыто выражать свои чувства, а, следовательно, самоактуализация невозможна, она остается заблокированной на уровне желаний, а не реальности. Способность к спонтанной поведению является фрустрированной.

Вклад в детерминацию кризиса предиктора «гибкость в общении» ($B = -0,507$) свидетельствует о влиянии социальных стереотипов, проблем в адекватном самовыражении, низкой способности к аутентичному взаимодействию с окружающими, склонности к фальши или манипуляциям, проблемах в самораскрытии, неуверенности в своей привлекательности для других. Это подтверждают предикторы «Социальная активность, контактность» (SOZAKT) ($B = -0,501$) (проблемы в установлении и поддержании социальных контактов, проблемы раскрытия себя, неспособность к спонтанному реагированию) и предиктор L (+) (16 PF) ($B = -0,580$), который отражает связь кризиса с отношением личности к другим людям, в частности, влияние таких качеств как подозрительность, ревность, внутреннее напряжение, тревога в отношениях с людьми, завистливость, самоуверенность, догматичность, перекладывание ответственности за собственные ошибки на окружающих, раздражительность, эгоцентризм.

Таким образом, в период 18–20 лет составляющей детерминации кризиса является фрустрация потребности в персонализации, что проявляется в низкой способностью к установлению конгруэнтных отношений с близким окружением, переживании страха самораскрытия, низкой спонтанности и гибкости в общении, подозрительности, недоверии к людям. Для предупреждения юношеского кризиса, таким образом, крайне важны установление конгруэнтных отношений с ровесниками, социальная активность, развитие способности к субъект – субъектному взаимодействию и т.д.

Предикторы, представленные в таблице 2 позволяют сделать вывод, что кризис у юношей обусловлен совокупностью внутренних факторов (семейная ситуация, особенности воспитания не информативны для прогноза кризиса): экстернальный локус контроля, низкая социальная активность, подозрительность, недоверие к людям,

негативная оценка собственной жизни, проблемы спонтанности и самораскрытия, ориентация на материальные ценности. Это тип инфантильной личности с диффузной идентичностью, которая не может интегрироваться в референтные группы, имеет проблемы в общении, ценностно-смысловые конфликты, высокий уровень недовольства собой и низкий уровень субъективного благополучия как показатель фрустрации базовых потребностей. Прогнозная модель демонстрирует, что возрастные задачи периода (становление субъекта жизни, самореализация и самоактуализация) у юношей с признаками кризиса оказываются нерешенными.

Обсуждение результатов

Хотя внутри обеих моделей присутствовала определенная индивидуальная вариативность, в контексте возрастных групп их объяснительные возможности были выше. Их сравнительный анализ (таблицы 1, 2) показывает, что они не противоречат существующим положением о сущности подросткового и юношеского возраста и позволяют сделать обоснованные выводы относительно прогноза кризиса в эти периоды развития.

1. *Качество прогноза кризисных проявлений.* Построенные прогнозные модели имеют разное значение коэффициента детерминации R^2 , который оценивает качество, точность уравнения регрессии и показывает, насколько независимые переменные, включенные в модель, объясняют результаты. В нашем исследовании коэффициент детерминации R^2 был больше для модели «Подростки» ($R^2 = 0,493$), и меньше – для модели «Юноши» ($R^2 = 0,292$). Это означает, что вероятность прогноза является более высокой для объяснения детерминации подросткового кризиса, поскольку переменные, включенные в объяснительную модель для подростков (совокупность индивидуально-типологических, личностных и социально-средовых детерминант) почти на 49% объясняют результат. Вероятность сделать точный прогноз для юношеского возраста значительно меньше (совокупность предикторов объясняют результат на 29%, на долю неучтенных факторов приходится 71% вариации). Построение более точной прогнозной модели для юношей, вероятно, требует включения в модель других факторов или использования других методов. Очевидно, различия в точности объяснительных моделей кризиса связаны также с ростом индивидуализации развития на протяжении подростково – юношеского возраста, повышением вариативности, сложности системы детерминант кризиса (их переход на более высокие ценностно-смысловые уровни взаимодействия человека с собой и средой).

2. *Роль формальных показателей.* Следует подчеркнуть, что при добавлении показателей пол, состав семьи (полная или неполная семья, уровень материального положения), класс (курс) и хронологический возраст объяснительная сила модели R -квадрат значительно уменьшалась, а показатели уравнения регрессии ухудшались. Поскольку эти факторы не вносят значимого вклада в уравнение, можно предполагать, что подверженность кризису в период взросления не зависит от формальных характеристик, которые сами по себе не предпосылают кризиса и не спасают от его наступления. Можно согласиться с К. В. Карпинским, который, считает, что им отведена роль фоновых условий, облегчающих или затрудняющих течение кризиса и определяющих доступные социальные ресурсы для совладания с ним [Карпинский, 2013].

3. *Индивидуальная вариативность кризиса.* Результаты исследования продемонстрировали значимость распределения исследуемых по возрасту, но при этом акцентировали

значение индивидуальной вариативности кризиса, которая постоянно давала о себе знать в появлении нескольких вариаций регрессионного уравнения (в пределах одного возраста), каждый из которых имел свои логические обоснования. Следовательно, возрастной кризис в подростковом – юношеском возрасте отличается высоким полиморфизмом, т.е. вариативностью закономерностей возникновения, течения и исходов. Это означает, что рассматривать факторы и феноменологию кризиса необходимо с позиции единства возрастных и индивидуальных закономерностей развития.

4. *Общие для двух возрастов факторы (предикторы) кризиса.* Регрессионный анализ показал, что в период 12–20 лет наиболее весомое влияние на наступление кризиса осуществляют внутренние факторы – коммуникативно-характерологические особенности, ценностно-мотивационное отношение к себе, миру, людям, делу, общие установки и генерализованные ожидания (например, локус – контроля), которые преломляются в восприятии социальной ситуации развития и своего места в системе отношений. Так, в обеих моделях практически в неизменном виде (хотя и с разными долями дисперсии) воспроизвелась зависимость кризисного состояния от экстернатного локуса контроля – Я (СЖО), ориентации на материальные ценности (высокое значение денег как мотиватора поведения) (PSI) и низкой гибкости в общении (САМО-АЛ). В обеих возрастных группах значимыми являются социально-психологические предикторы кризиса: несформированность чувства привязанности к своему ближнему окружению, потребительски – иждивенческая позиция, размытость социальной идентичности, недоверие к людям и миру, низкая социальность, которая у подростков проявляется преимущественно через отрицательные показатели «Внешнего Я» (PSI), а у юношей – через фактор «Подозрительность» (16 PF) и проблемы самораскрытия (САМОАЛ). Следовательно, и в подростковом, и в юношеском возрасте:

1) кризис отрочества имеет психосоциальную природу и не может быть целостно исследован без анализа места ребенка в системе социальных связей, особенностей взаимодействия с окружающими и т.д.;

2) появление кризиса так или иначе связано с фрустрацией базовой потребности в самодетерминации, в потребности контролировать события собственной жизни и быть источником активности (позиция «пешки» по Р. Чармсу, безличностная ориентация по Э. Деси).

4. *Возрастные различия в предикторах кризиса проявляются в трех аспектах:*

а) изменение соотношения веса и роли внешних (социальных) и внутренних детерминант его возникновения. В подростковом возрасте основными факторами кризиса являются индивидуально – типологические (частично обусловленные и биологическими факторами, например, эмоциональная нестабильность – свойствами НС), личностные свойства (низкая способность к саморегуляции, отрицательное отношение к деятельности, людям и моральным нормам) и социальные факторы (особенности социальной ситуации развития, стиль воспитания в семье, биографический опыт).

В юношеском возрасте значение социальных детерминант уменьшается, но возрастает значение внутренних (ценностно-мотивационных и субъектных) факторов детерминации. Их вес и роль возрастает на фоне нивелирования роли семейного воспитания (предиктор подросткового кризиса). Другими словами, в появлении кризиса юношеского возраста прошлое (семейная ситуация и биографический опыт) представлено в «снятом» виде. Это кризис «здесь и теперь» – развертывание противоречий, которые являются проекцией прошлого опыта на самоопределение, становление мировоззрения и осознание своего места в системе отношений. Таким образом, кризисные

проявления на протяжении подростково – юношеского возраста становятся все более нейтральными относительно *внешних* факторов. У подростков кризис является маркером проблем социально-психологической адаптации и самоутверждения, у юношей – маркером проблем самоактуализации в мире людей и смыслов.

б) изменение соотношения *веса и роли в структуре внутренних детерминант*:

– уменьшается значение предикторов индивидуально-типологических свойств (эмоциональность, активность, экстраверсия);

– уменьшается роль функционально – деятельностных свойств (низкая мотивация учебной деятельности и саморегуляция, отрицательное отношение к делу);

– растет вес компонентов личности, которые регулируют конгруэнтность общения с окружающими и способность самораскрытия (негативное отношение к людям, подозрительность, ригидность, закрытость, дефицит спонтанности, негибкость в общении);

– увеличивается роль самооценочных компонентов Я – концепции (низкая самооценка, неудовлетворенность собой, негативная эго-идентичность, негативная оценка своего прошлого, настоящего и будущего);

– увеличивается значение предикторов ценностно-мотивационной сферы (дисгармоничность мотивации, фрустрированность, внутренние конфликты, низкая осмысленность жизни);

– вес дисперсии увеличивается за счет дефицита субъектных свойств (экстернальный локус контроля, безличностная каузальная ориентация, размытость смысло-жизненных ориентаций, проблемы самореализации, показателем которых является низкий уровень субъективного благополучия);

Таким образом, если в подростковом возрасте кризис является результатом мультифакторной детерминации (внешней и внутренней), то юношеском возрасте те же поведенческие проявления кризиса имеют преимущественно внутреннюю, экзистенциальную, ценностно-смысловую детерминацию.

в) трансформация *комплекса внутренних и внешних противоречий* развития как предикторов кризиса. У подростков основная роль принадлежит противоречию *индивидуального – социального* (проблемы соответствия требованиям социально значимой деятельности, определение своего положения «я среди людей», усвоение социальных норм и т.д.). Регрессионное уравнение доказывает, что нормативный кризис в 12–15 лет – это *кризис личности* (кризис отношений), который является следствием изменения социальной ситуации развития, к которой подросткам сложно адаптироваться, поскольку они имеют недостаточный ресурс (как внутренний, так и внешний) для решения задач развития.

В юношеском возрасте предпосылкой нормативного кризиса выступает комплекс противоречий *детерминации – самодетерминации*. Кризис является маркером диффузной идентичности (Э. Эриксон), фрустрации потребности быть субъектом жизни и самоопределения во времени и пространстве жизни. Это кризис субъектности (кризис активности), которую провоцирует низкий уровень субъектного потенциала, экстернальность (внешний локус контроля), инфантилизм, незрелость, недоверие к миру и людям, неудовлетворенность самореализацией, неумение найти баланс «Я – другие», «карьера – отношения», «материальные – духовные ценности».

Выводы

Построение объяснительных моделей кризиса в подростково – юношеском возрасте осложняется полидетерминированностью этого явления, влиянием многих личностных, субъектных, социальных, социально-психологических и индивидуально-типологических факторов, их постепенной реорганизацией и высокой вариативностью. Как показал процесс построения регрессионных уравнений, многое зависит от выбранных независимых переменных, которые и определяют структуру факторов кризиса. Поэтому объяснение кризиса и, соответственно, моделирование его прогноза не может базироваться на отдельных факторах (социальных, психологических, психосоциальных, психофизиологических) или ограничиваться рамками какого-то одного подхода. Наибольшую объяснительную силу имеют многофакторные модели, которые включают в себя различную совокупность факторов и позволяют учитывать не только возрастные, но и индивидуальные особенности.

Прогнозные модели показали, что природа кризиса трансформируется от кризиса личностных компонентов развития (кризис рождения личности) в подростковом до кризиса субъектных компонентов развития (кризис рождения субъекта жизни). Есть основания утверждать, что детерминация кризиса связана с нерешенными задачами предыдущего периода: в подростковом возрасте – с нерешенными задачами младшего школьного возраста (Я – субъект учебной деятельности), в юношеском – с нерешенными задачами подросткового возраста (Я – субъект общения).

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением комплекса предикторов и построением регрессионных моделей, в которых набор независимых переменных будет варьироваться за счет использования психологических характеристик, которые позволят уточнить и конкретизировать полученные в данном исследовании результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- Дрейпер Н., Смит Г., 1986, *Прикладной регрессионный анализ*, Финансы и статистика, Москва.
- Карпинский К. В., 2013, *Конфликт ценностей как предпосылка смысложизненного кризиса в развитии личности*, «Вопросы психологии», №1, с. 78–93.
- Миллер Скотт А., 2002, *Психология развития: методы исследования*, Питер, Санкт-Петербург.
- Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю., Трубников В. И., 1998, *О природе психологических предикторов*, «Психологическая наука и образование», №1, с. 27–34.
- Равич Щербо И. В., Марютина Т. М., Трубников В. И. и др., 1996, *Психологические предикторы индивидуального развития*, «Вопросы психологии», № 2, с. 42–54.
- Шамне А. В., 2014, *Результати психометричної апробації «Психосоціального опитувальника» для підлітково-юнацького віку*, «Гуманітарний вісник ДВНЗ „Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди”», Астон, Тернопіль, №9, с. 345–353.

Szamne A., 2014, *Opis oceny objawów, wyników i przebiegu kryzysu dojrzewania przez rodziców, nauczycieli i nastolatków*: Особенности оценки симптомов и течения подросткового кризиса родителями, учителями и подростками [w:] T. Senko (red.), *Psychologiczno-pedagogiczne wsparcie rozwoju dzieci i młodzieży*, Wydawnictwo PWSZ w Nowym Sączu, Nowy Sącz, s. 103–120.

STRESZCZENIE

Angelika Szamne

Predykatory kryzysu rozwoju normatywnego w okresie dojrzewania i we wczesnej dorosłości

W artykule rozpatrywane są wyniki konstrukcji modeli predykcyjnych normatywnego kryzysu i jego systematyczność w okresie dojrzewania i wczesnej dorosłości (12–20 lat). Wybrane badania dotyczyły młodzieży 12–15 lat (55 uczniów szkół średnich) oraz 66 uczniów II i III roku szkół wyższych na Ukrainie (18–20 lat). Dwa modele regresyjne pozwalają opisać różne kompleksy czynników predykcyjnych psychologicznego kryzysu w okresie dojrzewania. Objawy kryzysu w okresie dojrzewania są determinowane następującymi czynnikami predykcyjnymi: indywidualne właściwości typologiczne (niestabilność emocjonalna, ekstrawersja), emocjonalne i wolicjonalne cechy (problemy samokontroli, niskie poczucie kontroli), negatywny stosunek do działania (do obowiązków i nauczania), do ludzi i norm moralności, niekorzystne środowisko społeczne (sytuacja rodzinna, wychowanie w rodzinie, doświadczenia biograficzne), nieodpowiednie zachowanie normatywne, indywidualizm (43% wyjaśnienie rozbieżności w zależnej zmiennej „kryzys”). Główne czynniki prognostyczne kryzysu w okresie dojrzewania to: deficyt aktywności subiektywnej, niski poziom rozumienia sensu życia, poczucie kontroli zewnętrznej, bierność społeczna, negatywne nastawienie do siebie, niski subiektywny poziom samopoczucia, brak spontaniczności i elastyczności w komunikacji, koncentracja na wartościach majątkowych (26% rozbieżności zmiennej). Przeprowadzono analizę porównawczą czynników predykcyjnych kryzysu w wieku dojrzewania i wczesnej dorosłości (wspólne i odmienne cechy). Dokonano analizy zmian proporcji wagi i roli uwarunkowań wewnętrznych i zewnętrznych kryzysu w okresie dojrzewania (spadek wartości indywidualnych typologicznych cech, charakterystyka sytuacji rodzinnej i edukacji, zwiększenie roli elementów refleksyjnych, koncepcji własnego – Ja, właściwości wartościowo-semantycznych i subiektywnych).

Słowa kluczowe: kryzys normatywny, rozwój, predyktor, analiza regresji, model przewidywania, wiek dojrzewania i wczesnej dorosłości, determinacja.

Data wpływu artykułu: 18.02.2015 r.

Data akceptacji artykułu: 23.03.2015 r.